

Александр Спорник, Андрей Некита. Идеология и миф- диалектика культурного взаимодействия

Тема мифа снова и снова заставляет обращать на себя внимание исследователей-гуманитариев. Очередное возвращение мифа в центр внимания философской общественности – одна из характерных особенностей современной западной культуры, а неподдельный интерес к мифу, выражающийся как в его спонтанном воспроизведении, так и в сознательном конструировании, становятся определяющими факторами культурной динамики.

С точки зрения доцента кафедры онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук РУДН О. Н. Стрельника, причины этого феномена заключаются в следующем: «Возвращение мифа объясняется, прежде всего, неудовлетворённой потребностью современного человека в целостном взгляде на мир. Потребность такого взгляда и ограниченные возможности рационального подхода, ориентированного по-прежнему лишь на науку в её классическом облике, приводят к тому, что систематизирующую роль в структуре массового сознания начинает играть в принципе несистематичное, обыденное сознание, принимая на себя несвойственные ему функции» [5]. Таким образом, актуализацию мифологической составляющей в массовом сознании, можно объяснить особенностями кризисного сознания, которое, утратив рациональную основу, стремится к опоре на иррациональные силы.

В XX-XXI веке миф возрождается прежде всего в социально-политической ипостаси. Одной из возможных причин возрождения мифа в сфере политики выступает его, основанная на символизме способность, служить своеобразным защитным механизмом, так или иначе препятствующим распаду социума в наиболее кризисные моменты его эволюции. Подобная историко-культурная миссия мифа вызывает явную зависть со стороны основных социальных институтов современности, привыкших действовать по формуле «Разделяй и властвуй!», и, прежде всего, политики как сферы управления социальными ролями, набор которых и составляет основное содержание современного индивида. Охранительная функция мифа наиболее отчетливо проявляется в современном, слишком уж нарочито «деидеологизированном» мире, когда в высших

политических кругах наиболее развитых стран мира постулируется демонстративный отказ от идеологии как решающего фактора в определении стратегии развития общества и государства.

Предмет данной статьи – анализ непростых, запутанных, а порой и откровенно противоречивых взаимоотношений социально-политической мифологии и идеологии, что заметно уже на уровне социально-гуманитарной рефлексии по поводу указанных феноменов.

Одни исследователи, как, например, Ролан Барт, склонны полностью отождествлять идеологию и социально-политическую мифологию, другие – принципиально разграничивать их как качественно разные явления. Третьи видят идеологию как современное проявление мифа. Четвёртые указывают, кроме различий, на их генетическое родство. «Мифология (в данном случае мы понимаем под мифологией совокупность мифов, а не учение о мифе) – полифункциональная система непосредственно неосознаваемых образов и символов, апеллирующих, прежде всего к эмоционально-чувственной стороне человеческой психики. В отличие от мифологии, идеология – это <...> прежде всего рациональный конструкт. Однако генетически идеология формируется на основе мифологии и несёт на себе определённые характеристики мифа. Политический миф выступает связующим звеном между рациональной идеологической системой и архаической мифологией. Наиболее эффективными в плане общественного управления становятся именно те идеологии, которые эксплуатируют иррациональные механизмы, глубинные символы и схемы коллективного бессознательного. «Само содержание идеологии может быть просто бродячим сюжетом, заимствованным из совершенно иной исторической эпохи и культурной среды». Однако если этот сюжет имеет под собой глубинную архетипическую основу, он окажется чрезвычайно действенным» [5].

По мысли же А. Винера, миф является духовным цементирующим началом всякой (курсив – авт.) идеологии. Любая идеология стремится к тому, чтобы на основе её идей и ценностей у человека была сформирована картина действительности, которая давала бы ему возможность непосредственно (т. е. не прибегая к помощи анализа и не подвергая ничего сомнению, прежде всего, сами эти идеи) воспринимать окружающую действительность, внешние цели и задачи своей деятельности в масштабе общества [4]. Или, как справедливо заметил А. А. Зиновьев: «Идеологическое учение есть

руководство к поведению людей. Оно в этой роли по самой своей сути должно быть догматичным и априорным, установочным независимо от изменений и вариаций реальных ситуаций. Оно даёт правила поведения людей в определенных ситуациях без научного понимания этих ситуаций, можно сказать – вслепую (без раздумий)» [2].

Английский исследователь Льюис Фойер также выделяет миф (как определенный архетип из области коллективного бессознательного, на который как бы «нанализуется» система тех или иных ценностей) в качестве базового элемента любой идеологии. Таковым Фойер видит библейский миф о Моисее, заключающий в себе некое глобальное представление о миссии избавления и раскрепощения. Не менее важным «ингредиентом» идеологии являются также и философские доктрины, чередующиеся в процессе исторического развития (наиболее развитые философские системы, которые составляют идейную основу идеологии, формулируют её основные ценности и смысл).

Позиция Л.Фойера представляется авторам наиболее соответствующей действительности. Здесь нет ни полного отождествления идеологии и социально-политической мифологии, что было бы неверно, ни постулирования их разнокачественности. В то же время данная точка зрения не является компромиссной между этими двумя крайностями, и что особенно важно – идеология здесь не выдаётся за частный случай мифологии.

Однако далее уже упоминавшийся О.Стрельник пишет: «Претензии идеологии на познавательные функции, на знание истины следует считать весьма сомнительными. Идеология – это, все же, «ложное сознание». Именно поэтому любую идеологическую доктрину, религиозную или светскую, невозможно исследовать только исходя из того, что она сама о себе заявляет. Идеология может изучаться как один из результатов социокультурного мифотворчества, т.е. по методологии, сходной с методологией исследования мифов» [5]. Тем самым он опровергает свой предыдущий тезис о идеологии как, прежде всего, рациональном конструкте.

«Разрушение идеологии как рациональной конструкции, – пишет О.Стрельник – происходит достаточно легко, однако её мифологические корни продолжают существовать многие сотни лет. Мифологическая реальность более фундаментальна, чем реальность идеологическая». Аргументом в пользу этого тезиса он приводит

довод о длительном существовании мифов «внутри» новых и, казалось бы, чуждых ему идеологических доктрин. «Так, языческий миф длительное время существует внутри христианской культуры, приспособляется и даже срастается с ней. Миф «о золотом веке» лежит в фундаменте коммунистической идеологии, которая, провозглашая тотальную рационализацию всех сфер человеческой жизни, в своей основе является иррационально-мифической» [5]. Здесь, однако, не делается важного различия – системы идеологии и идеологии как системы идей. Это же имеет принципиальное значение в плане понимания специфики идеологии как явления. «К примеру, система идеологии может утверждать посредством содержания своих идей цели мирного характера (мир, дружба, сотрудничество) и быть в то же время в целом воинственной, непримиримой к другим идеям и их носителям («отсутствие идеологии – тоже идеология», «идеология деидеологизации», и другие примеры)» [4]. Тем более, сам автор указывает на необходимость такого различия («идеологическую доктрину, религиозную или светскую, невозможно исследовать только исходя из того, что она сама о себе заявляет»).

И ещё одно замечание по поводу чуждых друг другу идеологических концепций. «Светлые мифы в совокупности сложились в большую мета-идеологию современного западного общества, которую принято называть евроцентризм. Здесь Европа – понятие не географическое, а цивилизационное (в прошлом веке говорили, что ядром Европы стали США). Иногда пытаются ввести слово «западоцентризм», но оно не приживается. Евроцентризм можно назвать мета-идеологией Запада, потому что в его рамках развиваются и частные конфликтующие идеологии (например, либерализм и марксизм). Важно, что они исходят из одной и той же картины мира и одних и тех же постулатов относительно исторического пути Запада» [3, С.167].

В современном мире производство социально-политических мифов берёт под контроль идеология. Определяющая роль в их создании принадлежит СМИ – рупорам и ретрансляторам идеологии. Причем, новые политические мифы, которые, в отличие от архаических мифов, искусственно фабрикуются, от этого не перестают быть действенными. Как правильно указывал Э. Кассирер, «миф всегда трактовался как результат бессознательной деятельности и как продукт свободной игры воображения. Но здесь миф создается в соответствии с планом. Новые политические мифы не возникают

спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами». Нашему XX веку – великой эпохе технической цивилизации – суждено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно так же и в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное оружие.... Это новый момент, имеющий принципиальное значение» [3, С.215].

И всё же, независимо от того, какую позицию мы занимаем по вопросу о взаимоотношениях политической мифологии и идеологии, можно выделить несколько мифологических сюжетов, составляющих ядро всякой идеологической доктрины или, с другой точки зрения, всю эти самые доктрины эксплуатирующих.

Помимо библейского сюжета о Моисее и мифа «о золотом веке», в основе которого лежит глобальное стремление человечества к идеальному устройству общества, сюда можно отнести и идеологический конструкт «образ врага», корнящийся в древних мифах об «ином».

В основе формирования идеологической модели «образа врага» лежит древняя идея об онтологическом различии себя и другого, а также, образованная на его основе дихотомия «свой – чужой», или «друг – враг». Известно, что ни один фактор не мог заставить неразвитое сознание так мобилизоваться, как базальное чувство опасности или угрозы. Одновременно с индивидуальным измерением данного процесса, это еще и самый мощный социально-консолидирующий фактор в истории человечества. Действительно, в человеческой истории трудно себе даже представить какой-нибудь социальный организм, который бы рано или поздно не выработал свой «образ врага».

Видный теоретик политической науки К.С. Гаджиев по этому поводу указывал, что для «консолидации идеологии внешний враг имеет, пожалуй, не менее, если не более, важное значение, чем единство интересов её носителей. Здесь внешний враг служит мощным катализатором кристаллизации этих интересов. Если врага нет, то его искусственно изобретают. Особенно отчетливо этот принцип проявляется в радикальных идеологиях, которые вообще не могут обходиться без внутренних и внешних врагов. Более того, сама суть этих идеологий выражается с помощью образа или образов врагов.

Как отмечал германский исследователь О. Ламберг, «эффективность идеологии в данном аспекте наиболее отчетливо проявляется в тех случаях, когда остальной окружающий мир видится как враждебная сила, провоцируя тем самым инстинкты обороны, страха, агрессивности у членов соответствующей группы». Каждая идеологическая конструкция содержит в себе развернутое представление об антиподе или противнике. От образа противника во многом зависит степень интегрированности группы» [1, С.68].

Справедливости ради следует сказать, что «образ врага» является одним из факторов цивилизационного прогресса. Стремление победить, или хотя бы выжить, вынуждает двигаться вперед в «гонке вооружений», совершенствоваться, адаптироваться к новым условиям существования или же менять их под себя.

Таким образом, можно констатировать, что проблема разграничения «сфер влияния» между политической мифологией и идеологией давно назрела, как в теоретическом, так и в сугубо практическом плане, а потому, нуждается в более тщательном и продуманном социально-философском анализе.

Литература.

1. Гаджиев К. Политическая философия. М., 1999.
2. Зиновьев А. На пути к сверхобществу. М., 2000.
3. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000.
4. Савеленок Е. Краткая история понятия «идеология» в период с начала XIX века // http://www.ideology.ru/app/auts_1076.htm.
5. Стрельник О. Политическая идеология и мифология: конфликты на почве родства // <http://humanities.edu.ru/db/msg/5106>.

Александр Спорник, Андрей Некита. Идеология и миф: диалектика культурного взаимодействия // символические парадигмы модернизации культурного пространства: Материалы Всерос. науч. конф. 10-11 октября 2006 г. / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2006. С.164-168.